

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-124-139
УДК 338.43(045)
JEL E65, L51, Q19

Квотирование добычи водных биологических ресурсов

А.Н. Асанов, Е.Л. Ли, Е.Ю. Агешина

Восточный центр государственного планирования, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Трансформация системы распределения квот на добычу водных биологических ресурсов (далее – ВБР) в России затрагивает интересы многих сторон. Новая система распределения прав на вылов ВБР, предусматривающая квоты в обмен на инвестиции, изменяет устоявшийся в России порядок в рыболовстве, что вызвало дискуссии в отрасли. Нововведения проводятся для снижения уровня монополизации промышленного рыболовства, развития судостроения и переработки ВБР на территории Российской Федерации. Целью исследования является выявление структуры интересов хозяйствующих субъектов и населения в рамках действующей системы квотирования добычи ВБР в России на примере Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна страны (далее – ДВ бассейн). Для подготовки данного материала авторы использовали методы научного анализа и сравнения при исследовании нормативной правовой базы и распределения общих допустимых уловов. В статистической части преобладает индуктивный метод, а монографический сделал возможным объединение полученных результатов в научную статью. На основе анализа детализированной структуры и краткосрочной динамики распределения квот на добычу ВБР в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) установлено, что действующая система распределения прав не соответствует общемировым трендам, направленным на сокращение вылова дикого ресурса, мощностей и количества рыбопромысловых судов. Нововведения преимущественно отражают интересы крупных рыбородытчиков в ущерб малым. Однако в целом потенциальный эффект от введения инвестиционных квот является положительным, так как обеспечивает межотраслевую кооперацию. На фоне нестабильного внешнего спроса на российскую продукцию данный механизм стимулирует процесс переориентации деятельности рыбохозяйственников с внешних рынков на внутренние, с реализации сырья на продукцию переработки и формирование добавленной стоимости в пределах страны, в том числе в ДФО.

Ключевые слова: инвестиционная квота; интерес; водный биологический ресурс; общий допустимый улов; Дальневосточный рыбохозяйственный бассейн

Для цитирования: Асанов А.Н., Ли Е.Л., Агешина Е.Ю. Квотирование добычи водных биологических ресурсов. *Мир новой экономики*. 2022;16(4):124-139. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-124-139

Quotas for Catch of Aquatic Biological Resources

A.N. Asanov, E.L. Li, E. Yu. Ageshina

Eastern State Planning Center, Moscow, Russia

ABSTRACT

The transformation of the system for distributing quotas for the extraction of aquatic biological resources (ABR) in quotas in Russia affects the interests of many parties. The new system of allocation of rights to catch ABR, which provides for quotas for investment, changes the established order in Russia in fisheries, which caused discussions in the industry. Innovations reduced the level of monopolization of industrial fishing, the development of shipbuilding and the ABR processing in Russia's territory. The aim of the study is to identify the structure of interests of economic entities and the population within the framework of the current quota system of ABR catch in Russia on the example of the Far Eastern fishery basin of the country. Being studying the materials for the paper, the authors used methods of scientific analysis and comparison in the research of the regulatory framework and the distribution of total allowable catches. There is an inductive method prevails in the statistical part of the study, and the monographic method allowed to combine the results obtained in the scientific paper. According to the analysis of the detailed structure and short-term dynamics of

© Асанов А.Н., Ли Е.Л., Агешина Е.Ю., 2022

the allocation of quotas for the catch of ABR in the Far Eastern Federal District (FEFD), the authors found that the current system of distribution of rights does not fit to global trends aimed at reducing the catch of the wild resource, the capacity and number of fishing vessels. Innovations mainly reflect the interests of large fish producers to the detriment of small ones. However, the potential effect of introducing investment quotas is positive, as it ensures intersectoral cooperation. Against the background of unstable external demand for Russian products, this mechanism stimulates reorienting the activities of fishers from foreign markets to domestic ones, from the sale of raw materials to processed products and making added value within the country, including in the FEFD.

Keywords: investment quota; interest; aquatic biological resource; total allowable catch; Far Eastern fishery basin

For citation: Asanov A.N., Li E.L., Ageshina E. Yu. Quotas for catch of aquatic biological resources. *The World of the New Economy*. 2022;16(4):124-139. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-124-139

ВВЕДЕНИЕ

В мировой практике квотирование добычи ВБР является одним из инструментов регулирования их объемов и разнообразия в естественных условиях обитания [1, с. 92]. Объем квот устанавливается исходя из общих допустимых уловов / «total allowable catches» (далее — ОДУ), которые характеризуют научно обоснованную величину годового вылова, соответствующую долговременной стратегии рационального промыслового использования запасов ВБР.

Основные рыбодобывающие страны используют схожие системы квотирования [2–7], однако они отражают разные интересы основных природопользователей. Структура распределения квот на добычу ВБР между пользователями говорит о приоритетах государственной политики в сфере развития рыбохозяйственного комплекса. Основными показателями распределения интересов являются объемы квот на наиболее рентабельные виды добываемых ресурсов.

По мере повышения заинтересованности мирового сообщества в сохранении экологического баланса в акваториях сформировался новый приоритет реализации национальных политик основных рыбодобывающих стран, связанный с сокращением объемов вылова дикого ресурса в территориальных водах (200-мильная зона) [8]. Данная тенденция является основанием для принятия ряда политических решений, связанных со снижением объемов квот на добычу ВБР, сокращением флота, перемещением центра добычи с национальных акваторий в районы зарубежных стран и Мирового океана, а также — распространением практики производства и потребления продукции аквакультуры, регулированием объемов экспортно-импортных операций (см. *рисунк*).

Объем квот — нестабильная величина, зависящая от ежегодно устанавливаемых ОДУ и естест-

венных биологических циклов воспроизводства. Однако отдельные страны заявили о существенном сокращении объемов квот на добычу дикого ресурса в собственных территориальных водах (например, Япония, Норвегия и Исландия) без количественных оценок масштаба.

Основным показателем выполнения обозначенных намерений является сокращение рыбопромыслового флота. В частности, осуществляются такие меры государственной политики, как:

- выкуп государством рыболовных судов с целью вывода их из промысла (США) [9, с. 682];
- снижение объемов инвестиций в строительство рыбопромысловых судов (Новая Зеландия) [10, с. 17; 11, с. 205];
- субсидирование строительства судов, если их размеры меньше утилизируемых в 1,3 раза (ЕС) [9, с. 682];
- выплата премий за экспорт крупнотоннажных рыболовных судов в другие страны, которые прекращают деятельность в территориальных водах (ЕС) [9, с. 682];
- поддержка строительства и деятельности малоразмерных прибрежных рыболовецких судов (Норвегия) [12, с. 812, 828];
- субсидирование промысла в водах иностранных государств и открытых районах Мирового океана — «дальнее рыболовство» (КНР, Япония) [9, с. 683; 13, с. 371]. В частности, в КНР предоставляются государственные субсидии на топливо, величина которых прямо пропорциональна размеру судна.

Вывод рыболовных судов за пределы собственных территориальных вод не способствует общему сокращению промысловых мощностей. Так, за 1950–2015 гг., несмотря на сокращение глобального улова, мировой рыболовецкий флот увеличился более чем вдвое — с 1,7 до 3,7 млн судов. Их количество в мире может стать еще больше, поскольку многие развивающиеся страны продолжают нара-

Рис. / Fig. Варианты политики государства и стратегий рыбодобывающих предприятий при экологических рисках / Options of a state policy and strategies of fishing enterprises under conditions of environmental risks

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

щивать мощности и объемы добычи дикого ресурса с превышением ОДУ [14, с. 12238].

Также установлено, что общественные интересы по поддержанию экологического равновесия и биоразнообразия противоречат частным интересам рыбодобытчиков и предприятий сопутствующих видов деятельности (судостроение, рыбопереработка, логистика, торговля), так как ориентация в последнем случае осуществляется на максимизацию прибыли и объемов вылова ВБР.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН с 1992 г. критикует деятельность государств по предоставлению субсидий и иных мер поддержки рыбацкому судостроению, поскольку это приводит к увеличению количества и совокупной мощности судов [15, с. 439]. Однако данная практика в настоящее время является распространенной, так как значительная часть

морского рыболовства убыточна и нуждается в государственном субсидировании для обеспечения продовольственной безопасности, сохранения занятости, поддержания традиционного образа жизни коренного населения и т.д. [16, с. 6].

Таким образом, регулирование объемов вылова ВБР (изменение системы квотирования, ограничение размера промыслового флота) затрагивает интересы большого числа хозяйствующих субъектов.

В Российской Федерации также применяется система квотирования на вылов ВБР, которая в последние годы находится в подвижном (изменяющемся) состоянии в связи с введением новых видов квот и принципов их распределения.

Основанием для нововведений стала критика исторического принципа распределения квот, который был ограничением для входа на рынок новых игроков и, в соответствии с заявлениями

ФАС России и Росрыболовства, способствовал повышению монополизации отрасли.

До 2017 г. в стране использовался исторический принцип распределения квот на добычу ВБР. В соответствии с ним размер разрешенной добычи устанавливался на основе достигнутых объемов вылова ресурсов за предыдущий период. Данный подход обеспечивал преференции участникам, которые исторически демонстрировали более высокий объем добычи, и допускал появление новых хозяйствующих субъектов в сфере промышленного рыболовства только при наличии свободных долей квот. Появление свободных квот обеспечивалось повышением объема ресурсов и ОДУ либо отказом от части распределенных квот другими участниками.

С 2017 г. система квотирования вылова ВБР в России обновилась за счет внедрения новых видов и механизмов распределения квот. В результате структура интересов в рыбохозяйственном комплексе изменилась, но, по состоянию на апрель 2022 г., новая система окончательно не сформирована и находится на этапе апробации.

За последние пять лет имеющиеся на Дальнем Востоке России объемы и разнообразие ВБР делают возможным ежегодно вылавливать в среднем 3,5 млн тонн (динамика в сторону увеличения или снижения не прослеживается). Государственные органы не сдерживают, а наоборот, посредством инвестиционных квот поддерживают увеличение количества рыболовецких судов без ориентации на их малотоннажные типы. Существует ряд субсидий и прочих мер поддержки промышленного рыболовства.

В отечественных научных работах слабо освещена специфика системы квотирования вылова ВБР и структура сформировавших ее интересов основных участников рыбохозяйственного комплекса в России в целом и на Дальнем Востоке в частности. Обозначенные вопросы затронуты в ряде работ частично и характеризуют предположения авторов о возможных последствиях введения инвестиционных квот.

Исследователи затрагивают интересы не всех участников рыбохозяйственного комплекса. М.В. Кручина и С.М. Рыжкова полагают, что введение крабовых инвестиционных квот может способствовать сокращению инвестиций для тех, кто пользуется историческими квотами [17, с. 331] из-за риска неполучения прав на вылов краба в будущем. Однако в данных квотах заинтересованы

новые игроки и инвесторы, готовые вкладывать средства в строительство краболовов. Ю.А. Левин, А.В. Волков и В.Д. Еремеева утверждают, что инвестиционные квоты не востребованы малым и средним бизнесом, нуждающихся в средне- и малотоннажном флоте [18, с. 207]. При этом создание таких судов имеет большое значение для Дальнего Востока, поскольку позволяет «закрепить» население на побережье, в большей степени сохраняет экологию и снижает риск распространения переловов в будущем при тенденции снижения ОДУ. Таким образом ущемляются интересы субъектов малого и среднего предпринимательства, при этом инвестиционные квоты используют новые игроки и предприятия, вкладывающие средства в строительство крупных промысловых судов и рыбоперерабатывающих заводов. Ю.Ф. Аношина и Т.В. Наумкина считают, что вопрос обновления рыболовецкого флота является особенно острым для России, поскольку его износ составляет порядка 80–90%. В результате реализации механизма инвестиционных квот ожидается строительство свыше 100 судов, однако в замене нуждаются около 2,5 тыс. То есть данный механизм позволит обновить лишь 4% судов, что крайне мало [19, с. 105]. В этом случае государственные интересы будут удовлетворены лишь в небольшой степени. С.С. Вopilовский, Н.С. Иванко, С.В. Лисиенко и Д.О. Сиваков в целом положительно оценивают изменившуюся систему квотирования, ожидая достижения стратегических целей в развитии рыбохозяйственного комплекса, поскольку рыбопромысловый флот страны существенно обновится и станет конкурентоспособным [20, с. 67; 21, с. 254; 22, с. 136], что соответствует интересам крупных рыбодобывающих предприятий. Н.В. Гонтарь называет инвестиционные квоты обоснованной мерой по причине отсутствия прямых бюджетных затрат [23, с. 19], что важно для государства.

В связи с изменением системы квотирования отечественные исследователи не учли экологические и ряд государственных интересов. Кроме того, авторы пытались оценить положительные перспективы обобщенно. Так, не учтены негативные факты, проявившиеся на первом этапе апробации инвестиционных квот, в частности то, что суда оснащаются преимущественно иностранным оборудованием, не принят во внимание баланс между переработкой на судне и на берегу, игнорируются пропорции между количеством строящихся мало-, средне- и крупнотоннажных рыболовных судов.

Согласно мировой тенденции созданные государствами системы квотирования обеспечивают как частные, так и публичные интересы, сглаживая возникающие противотечения, например, в области экологии.

Современный опыт квотирования вылова ВБР в Российской Федерации имеет особенности, связанные с механизмом предоставления квот в обмен на инвестиции в строительство рыбопромысловых судов и рыбоперерабатывающих заводов. Так, структура интересов изменилась, поскольку в рамках частных выгод новая система квотирования обеспечивает крупными заказами ряд отечественных судостроительных предприятий.

На ДВ бассейн приходится наибольший объем ВБР по сравнению со всеми остальными акваториями страны. Согласно стратегии¹ в основе ускоренного развития рыбохозяйственного комплекса ДФО лежит повышение экономической эффективности освоения основных промысловых видов ВБР. Новая система квотирования может оказать значительное влияние на такие сферы деятельности, как добыча (вылов), хранение, переработка ВБР и строительство судов рыбопромыслового флота.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Исследование выполнено с использованием методов синтеза, анализа и сравнения на основе данных Росстата и нормативных правовых актов в сфере рыболовства: Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее — Закон № 166-ФЗ); постановление Правительства Российской Федерации от 15.12.2005 № 768 «О распределении общих допустимых уловов водных биологических ресурсов применительно к видам квот их добычи (вылова)»; распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2019 № 2798-р «Об утверждении Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года»; приказы Федерального агентства по рыболовству Российской Федерации (далее — Росрыболовство).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Интересы в сфере распределения квот на добычу ВБР имеют разную направленность, в зависимости от их вида.*

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2019 № 2798-р «Об утверждении Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года».

Количество видов квот, установленных для рыбохозяйственников, является нестабильным. Виды квот и механизм их предоставления (административные процедуры) отражены в Законе № 166-ФЗ. В настоящее время в России выделяется 11 видов квот, которые затрагивают интересы разных групп рыбохозяйственного комплекса (табл. 1).

В исследовании предполагается, что структура квот отражает интересы следующих основных сторон: хозяйствующих субъектов (природопользователей и осуществляющих деятельность в смежных отраслях) и общественных организаций, выполняющих регуляторные контрольные и надзорные функции, а также внешний аудит в сфере развития рыбохозяйственного комплекса (включая органы государственной власти и экологические движения). Природопользователями являются: население, осуществляющее любительский лов и относящееся к коренным малочисленным народам Российской Федерации (далее — КМН); рыбодобывающие организации, а также предприятия смежных видов деятельности (рыбопереработка, логистика, торговля, судостроение).

Население непосредственно заинтересовано в квотах для любительского рыболовства и для КМН, остальные имеют нейтральное либо второстепенное значение: исторические, инвестиционные и инвестиционные крабовые обеспечивают устойчивость предприятий и занятости; учебные — образование; в целях аквакультуры — занятость, развитие малого бизнеса и получение свежей продукции. С другой стороны, вылов крупными компаниями больших объемов ресурса может истощить запасы в прибрежных районах, являющихся традиционными зонами вылова для КМН, а также в местах для любительского лова.

Российские рыбодобытчики (малый, средний, крупный бизнес)² стремятся к максимизации прибыли за счет увеличения объемов квот (исторических, инвестиционных, во внутренних водных объектах и за рубежом).

В силу особенности распределения исторических квот сформировалась группа «старых игроков», получающих право на вылов ресурса на основе ранее достигнутых объемов добычи. Часть таких предприятий является градообразующими, от деятельности которых в большой степени зависит социально-экономическое развитие соответствующих прибрежных населенных пунктов.

² Информация по зарубежным компаниям отсутствует.

Таблица 1 / Table 1

**Интересы участников рыбохозяйственного комплекса по отношению к видам квот /
Interests of the fishery complex participants in relation to different quotas**

Квоты	Государство	Население	Экологические организации	Рыболовы	Смежные отрасли
Исторические	Снижение	Повышение (занятость) Снижение (истощение ресурса)	Снижение	Повышение (для старых игроков)	Повышение
Инвестиционные	Повышение			Повышение (для новых игроков)	Повышение (сырье, объем товаров и грузов, заказы судов) Снижение (конкуренция)
Инвестиционные крабовые					
Научные	Сохранение	-	Сохранение	Сохранение	-
Учебные					
Аквакультура	Повышение		Повышение		Повышение
Любительские	Сохранение	Повышение	-	-	-
Для КМН					
Во внутренних водных объектах		-	Снижение	Повышение	Повышение
Для РФ за рубежом*	Повышение				-
Для иных стран	Сохранение				

* *Примечание / Note:* Зоны вылова расположены вне территориальных вод Российской Федерации / Fishing zones are located outside the territorial waters of the Russian Federation.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Инвестиционные квоты позволяют войти в промышленное рыболовство крупным «новым игрокам», не имеющим возможностей получить право на вылов по историческому принципу, а также увеличить долю добычи владельцам исторических квот.

Предприятия смежных с рыболовством отраслей заинтересованы в увеличении объемов квот (исторических, инвестиционных) с целью максимизации прибыли, поскольку в области переработки, логистики и торговли будет больше предложений на поставку сырья и продукции. Судостроение также выигрывает, поскольку формирует портфель заказов на изготовление судов в рамках механизма «квоты в обмен на инвестиции». Однако рыбопереработчики также могут получить сильных конкурентов при условии стро-

ительства инвестиционных объектов, связанных с переработкой ВБР.

Государство, в лице Федеральной антимонопольной службы (далее — ФАС России) и Росрыболовства, выступает основным регулятором в рыбохозяйственном комплексе. Изменения в системе квотирования обусловлены формированием новых приоритетов, направленных на снижение уровня монополизации в рыболовстве, обновление рыбопромыслового флота и развитие рыбопереработки. Это происходит с 2020 г. с вводом инвестиционных квот и за счет снижения объема исторических. Планы по изменению размеров остальных видов квот не озвучены.

Экологические организации стремятся к снижению объемов вылова дикого ресурса в целях сохранения биоразнообразия с учетом естественных воспроизводственных циклов и существующих

угроз исчерпания имеющихся запасов. Это касается квот на вылов в территориальных водах России и за рубежом. Данные организации заинтересованы в повышении квот для развития аквакультуры и сохранении их объемов для научных и учебных целей, так как таким образом обеспечивается воспроизводство ресурса, определяются ОДУ и происходит обучение кадров, в том числе по экологическим и естественно-научным специальностям.

Обозначенные группы хозяйствующих субъектов рыбохозяйственного комплекса противоречат друг другу в своей деятельности либо конкурируют, что неизбежно приводит к формированию конфликтов интересов. Введение инвестиционных видов квот привело к возникновению новых зон пересечения интересов между общественными организациями и частным бизнесом, малыми и крупными предприятиями, «старыми» и «новыми» игроками.

2. Основным центром концентрации интересов рыбодобытчиков России в сфере распределения квот является ДВ бассейн.

Размеры каждого вида квот добычи ВБР для хозяйствующих субъектов в Российской Федерации утверждаются ежегодно Министерством сельского хозяйства Российской Федерации для каждого рыбохозяйственного бассейна страны на основе ОДУ (табл. 2).

В России в 2021 г. общий объем квот составил 4284,1 тыс. тонн, что на 3,9% больше, чем в 2020 г. (за счет увеличения объема квот в Северном бассейне и вылова в новой зоне, за пределами страны — в Марокко).

Доля квот, которая приходится на ДВ бассейн, составляет 69,2%, за 2020–2021 гг. она сократилась на 0,5%, т.е. незначительно (за счет снижения исторических и инвестиционных крабовых квот).

В соответствии с приказами Росрыболовства в ДВ бассейне на 2020 и 2021 гг. распределено 7 из 11 видов квот на добычу ВБР (табл. 3) без учета лососевых³. В зонах ДВ бассейна не выделяются квоты, предназначенные для:

- учебных целей (возможно, это связано с отсутствием заявок от научных и учебных организаций ДФО);

³ Распределение объема разрешенного вылова лососевых осуществляется на региональном уровне специальными комиссиями (ст. 29.1 Закона № 166-ФЗ). Сведения о результатах работы комиссий в открытом доступе не публикуются, за исключением отдельных случаев, на основе которых невозможно сформировать целостную картину.

- предприятий России в зарубежных акваториях (поскольку они не входят в ДВ бассейн);
- аквакультуры⁴.

Также в открытых источниках отсутствуют сведения о размерах квот, предоставляемых иностранным компаниям в исключительной экономической зоне России, в том числе в ДВ бассейне.

В структуре квот на Дальнем Востоке в 2020–2021 гг. научные квоты, выделяемые в общественных интересах, имели постоянную долю — 0,1%, но в абсолютном значении их размер сократился на 14,7%.

Квоты, удовлетворяющие интересам населения (любительские и для КМН), также имеют суммарную долю 0,1% от общего объема, однако в абсолютном значении снижение составило 4,3%. Объем квот для любительского рыболовства — 0,01% (в 2021 г. он увеличился на 16,5%), для КМН — 0,1% (снизился на 4,3%). То есть сокращение объема квот для населения произошло в 2020–2021 гг. за счет уменьшения ОДУ для коренных малочисленных народов.

Квоты, предназначенные для промышленных целей, занимают доминирующие позиции — 99,8% от всего объема (из них исторические — более 95%); сокращение за 2020–2021 гг. составило 0,5% — наименьшее, по сравнению с рассмотренными выше группами. Однако в структуре этих квот динамика разнонаправленна: исторические и инвестиционные крабовые уменьшились на 1,5 и 14,4%, инвестиционные увеличились на 52,7%.

Таким образом, прирост инвестиционных квот произошел за счет исторических и на фоне снижения инвестиционных крабовых, а также других видов, имеющих социальную и общественную нацеленность (для КМН и научные). Можно предположить, что снижение последних является следствием прироста инвестиционных.

3. Более 50% квот для рыболовства в промышленных целях в ДВ бассейне распределены в зоне Охотское море.

ДВ бассейн географически включает: Чукотское, Берингово, Охотское, Японское моря, воды Тихого океана, прилегающие к Восточной Камчатке и Курильским островам с соответствующими бассейнами впадающих в них рек.

⁴ При этом Приморский край является одним из лидеров в стране по объему производства аквакультуры. Возможно, данное несоответствие объясняется тем, что искусственное разведение в регионе основывается на использовании видов ВБР, не подлежащих квотированию.

Таблица 2 / Table 2

Объемы квот добычи ВБР в морских рыбохозяйственных бассейнах и вне территориальных вод России / Volumes of quotas for the catch of aquatic bioresources in marine fisheries basins and outside the territorial waters of Russia

Рыбохозяйственный бассейн	Объем, тыс. тонн		Изменение в 2021 г., %	Доля квот от РФ, %	
	2020 г.	2021 г.		2020 г.	2021 г.
Всего	4124,90	4284,10	3,9	100	100
ДВ	2979,20	2965,00	-0,5	72,2	69,2
Северный	468,4	563,4	20,3	11,4	13,2
Волжско-Каспийский	23,1	23,1	0	0,6	0,5
Азово-Черноморский	0,0002	0,0002	-2,5	0,000005	0,000005
Западный	84,9	80,4	-5,2	2,1	1,9
Вне территориальные воды России	569,3	652,1	14,5	13,8	15,2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Виды и объемы квот добычи ВБР в ДВ бассейне / Types and volumes of quotas for the catch of aquatic bioresources in the Far East basin

Наименование квоты добычи ВБР	2020 г.		2021 г.		Изменение в 2021 г. %
	тыс. тонн	доля, %	тыс. тонн	доля, %	
Итого	2979,2	100	2965,0	100	-0,5
Научные	1,8	0,1	1,5	0,1	-14,7
Любительские	0,21	0,01	0,24	0,01	16,5
Для КМН	3,7	0,1	3,5	0,1	-4,3
Исторические	2875,8	96,5	2833,9	95,6	-1,5
Инвестиционные	62,8	2,1	95,9	3,2	52,7
Инвестиционные крабовые	35	1,2	29,9	1	-14,4

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ДВ бассейн делится на 8 промысловых зон⁵, омывающих береговые линии 6 субъектов Российской Федерации в ДФО (за исключением Республик Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальского края, Амурской и Еврейской автономной областей).

⁵ Приказ Министерства сельского хозяйства от 23.05.2019 № 267 «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна».

Зона Охотское море занимает лидирующее положение по большинству характеристик. К ней прилегает наибольшее количество регионов (Камчатский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области).

Локализация регионов вдоль зоны Охотское море дает им номинальное территориальное преимущество в осуществлении рыбохозяйственной деятельности, так как она является основным про-

мысловым центром в ДФО — в ней сконцентрирован наибольший объем квот на добычу ВБР в ДВ бассейне (в 2021 г. — 1687,6 тыс. тонн, или 57%).

Единственный параметр, по которому зона Охотское море уступает первенство другим по отдельным видам квот, — это биоразнообразие или количество промысловых видов ВБР.

Наибольшие преимущества, обусловленные близостью к зоне Охотское море, а также другим акваториям, имеют Камчатский край и Сахалинская область. Следовательно, у хозяйствующих субъектов данных регионов есть возможности в наибольшей степени удовлетворить свои интересы, связанные с распределением квот на вылов ВБР.

4. *Современный приоритет изменения системы квотирования в России связан с развитием судостроения и рыбопереработки.*

Текущее состояние рыбохозяйственного комплекса к 2020 г. характеризовалось рядом проблем, связанных со старением основных фондов и их недостаточностью. В ДВ бассейне находится около 70% рыбопромыслового флота России, из которых 92% — за пределами нормативных сроков эксплуатации⁶.

Отечественная судостроительная и судоремонтная сфера преимущественно работала за счет военных заказов. Рыбопромысловое судостроение, а также судоремонт и приборостроение длительное время не развивались.

В условиях деградации отечественного рыбопромыслового судостроения обновление флота в России в целом и на Дальнем Востоке в частности в основном происходило за счет приобретения судов за рубежом, и большая часть из них имела значительный срок использования⁷.

Отсутствие конкурентных по срокам и стоимости центров по комплексному обслуживанию и ремонту крупных судов рыбопромыслового флота в отечественных морских портах привело к переориентации российских судовладельцев на их обслуживание и ремонт за рубежом⁸. В настоящее

время в российских морских портах осуществляются ремонт и межрейсовое техническое обслуживание в основном мало- и среднетоннажных судов рыбопромыслового флота, что является недостаточным для современных судов, оснащенных передовым оборудованием.

В силу высокой концентрации оборудования иностранного производства ремонт и техническое (в том числе гарантийное) обслуживание судов в наиболее короткие сроки также экономичнее и эффективнее выполнялись за рубежом.

Также в России распространилась практика «незаходных» судов (в ДФО — 8% флота), которые осуществляли деятельность без захода в российские порты и прохождения процедуры «таможенной очистки» в соответствии с производственным процессом или стратегией ухода от уплаты налогов.

Вместе с обслуживанием судов и оборудования наблюдался отток доходов из России и, соответственно, уменьшалась налоговая база отрасли, связанная со смещением центров обслуживания по месту их производства в зарубежных странах.

Также спецификой рыбохозяйственного комплекса на Дальнем Востоке и в стране в целом является высокая ориентация на экспорт сырья при слабом уровне развития внутренней переработки. Это привело к переносу центров по переработке российских ВБР в другие страны (преимущественно — КНР) и, соответственно, потере добавленной стоимости от реализации готовой продукции.

Таким образом, в последние годы в рыбохозяйственном комплексе сложились существенные перекосы, требовавшие значительных инвестиций в развитие. Введение инвестиционных квот создало перспективную возможность для организации соответствующих производств в России за счет частных капитальных вложений. В условиях действующего принципа «где строим, там и ремонтируем» строительство судов создает перспективный спрос на услуги судоремонта и приборостроения [24, с. 222]. Увеличение мощности рыболовного флота позволяет повысить объемы добычи во внутренних территориальных водах России, а также за их пределами, что положительным образом сказывается на предложении сырья для переработки, получении добавленной стоимости для предприятий, занятости для населения и налогооблагаемой базе для бюджета. Дальнейший рост

зайственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года».

⁶ Российский морской регистр судоходства. URL: <https://lk.rs-class.org/regbook/regbookVessel> (дата обращения: 15.09.2021).

⁷ Аналитическая справка «Современное состояние рыболовного и рыботранспортного флота на Дальнем Востоке», подготовленная в соответствии с планом работ по научно-методическому обеспечению федерального автономного научного учреждения «Восточный центр государственного планирования» Минвостокразвития России на 2020 год и на период 2021–2022 годов.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2019 № 2798-р (ред. от 17.12.2021) «Об утверждении Стратегии развития рыбохо-

объемов переработки создаст цепочку приращений экономических эффектов в смежных отраслях, в том числе — логистике и торговле. То есть введение инвестиционных квот рассматривается как источник пропульсивного роста, обеспечивающего развитие смежных отраслей и внутренней кооперации между ними, которые длительное время существовали обособленно.

В соответствии со стратегией развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации (далее — Стратегия) для Дальнего Востока посредством механизма «квоты в обмен на инвестиции» планируется построить к концу 2022 г. 14 береговых рыбоперерабатывающих заводов (перспективные планы на более длительный период не установлены) и до 2025 г.⁹ — 18 рыболовецких судов и 25 краболовов. В стратегических документах отсутствует детализация относительно качественной характеристики обновления фондов, например по размерам нового флота и мощности ввода береговых рыбоперерабатывающих заводов.

Реализация стратегических ориентиров по развитию отрасли позволит осуществить перераспределение исторических квот между их крупными держателями, а также создать межотраслевой эффект роста в сфере судостроения, судоремонта, переработки рыбной продукции, строительства, логистики и торговли.

По состоянию на апрель 2022 г., согласно материалам Росрыболовства, для дальневосточных компаний в России построены 8 рыбопромысловых судов¹⁰ и ожидается строительство 6 супертраулеров¹¹ (итого: 14 судов, из них 13 рыболовецких — 78% от плана и 1 краболов — 4%) и 9 рыбоперерабатывающих заводов¹² (64% от планового объема, установленного до конца 2022 г.).

⁹ Строительство судов имеет длительный цикл проектирования, производства и ввода в эксплуатацию, поэтому плановые сроки, вероятно, будут увеличены.

¹⁰ 4 крупных траулера проекта СТ-192 («Владимир Лиманов», «Механик Маслак», «Механик Сизов» и «Капитан Вдовиченко»; заказчик — ООО «Русская рыбопромышленная компания», г. Владивосток); 3 средних траулера-сейнера проекта SK-3101R («Командор», «Ленинец» и «Василий Каплюк»; заказчик — Рыболовецкий колхоз имени В.И. Ленина, г. Петропавловск-Камчатский); 1 средний краболов проекта 03141 («Охотск»; заказчик — ООО «Дальневосточное побережье», г. Хабаровск).

¹¹ Заказчиком всех 6 супертраулеров является ООО «Русская рыбопромышленная компания».

¹² Построены заводы на территории Сахалинской области, Приморского и Камчатского краев с общей мощностью рыбопереработки — 2378 тонн в сутки.

Предусмотренный в Стратегии объем строительства новых рыбопромысловых судов является незначительным и позволит обновить отраслевой флот ДВ бассейна лишь на 7%, т.е. лишь частично снизит остроту проблемы высокого износа судов. В то же время рыбодобывающие мощности флота увеличатся значительно, так как в структуре построенных и заказанных судов под инвестиционные цели преобладают крупные и сверхкрупные.

Отсутствие регламентации по количеству, размерам и мощности создаваемых судов может привести к увеличению вылова дикого ресурса, вопреки существующим мировым тенденциям по его сокращению. В этой связи расширение флота может усиливать нагрузку на существующую ресурсную базу и формировать конфликтное поле между общественными и частными интересами. В работе И.В. Левской для уменьшения экологических рисков содержится рекомендация по распространению инвестиционных квот в обмен на строительство среднетоннажных судов [25, с. 98], за исключением крупных и сверхкрупных.

Стратегическая задача по созданию производств качественной продукции глубокой переработки в России и ДФО является актуальной (80% рыбной продукции в России реализуется после первичной обработки) [23, с. 18]. Инвесторы делают акцент на переработку на судах, однако это касается неглубокой переработки и наиболее рентабельных видов — минтая¹³ и сельди, добыча которых достигает максимального уровня [26 с. 188; 27, с. 16; 28, с. 11]. Перспективным направлением в этом плане остается создание береговых мощностей, предусматривающих более высокую степень переработки и широкий ассортимент выпускаемой продукции, включая производство из нерыбных гидробионтов. Реализация данных проектов обеспечит переориентацию деятельности с реализации сырья на продукцию переработки и формирование добавленной стоимости в пределах страны, в том числе в ДФО, а также повышение налоговых отчислений в бюджетную систему и увеличение спроса на труд.

По состоянию на апрель 2022 г., на Дальнем Востоке на территории Сахалинской области, Приморского и Камчатского краев введены в эксплуатацию девять заводов общей мощностью 2378 тонн в сутки.

¹³ В 2020 и 2021 гг. общий объем инвестиционных квот на вылов минтая составил 79% (приказы Росрыболовства от 13.12.2019 № 686 и от 18.12.2020 № 704).

Так как объемы текущей и перспективной потребности в развитии перерабатывающих мощностей на Дальнем Востоке и в стране в целом в стратегических документах не обозначены, трудно оценить вклад нового строительства в развитие комплекса. Однако известно, что потребность в портовых холодильных мощностях составляет до 800 тыс. тонн единовременного хранения ВБР в пиковый период. Соответственно, построенные заводы способны переработать только 0,3% от указанных объемов в периоды самых больших нагрузок.

Сопоставление построенных перерабатывающих мощностей с существующим дефицитом холодильного оборудования не случайно. В период путины в портах Дальнего Востока лишь 20% ВБР возможно единовременно разместить в низкотемпературных складах для дальнейшей переработки и реализации. Основная масса продукции направляется по сниженным ценам на другие рынки, прежде всего внешние.

Потребность в расширении холодильных мощностей на Дальнем Востоке существовала и ранее, однако в условиях доминирования поставок на экспорт и при слабом уровне развития местной переработки это не было ограничением для работы отрасли. В условиях нестабильности внешнего спроса на российские ВБР в ДФО формируется товарный излишек скоропортящейся продукции. В связи с происходящими изменениями и при появлении стимулов для развития переработки в России (введение инвестиционных квот) отечественный рыбохозяйственный бизнес (добытчики и переработчики) стал заинтересован в организации условий для хранения, переработки и транспортировки продукции в России. Поэтому с введением новых квот появился интерес, связанный с развитием внутренней инфраструктуры всего рыбохозяйственного комплекса. Однако в действующей редакции механизмов распределения инвестиционных квот реализация таких проектов не поддерживается. Кроме того, в государственной программе развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации отсутствуют мероприятия по их созданию/модернизации в ДФО.

Увеличение количества холодильных мощностей позволит рыбодобытчикам обеспечить хранение запасов на более длительный период, увеличить объемы реализации продукции на внутренний рынок, повысить доходы от продажи

неразделанной продукции или с минимальной переработкой по стабильной незаниженной цене в период путины. Переработчики смогут наладить стабильные круглогодичные поставки свежемороженого сырья.

Таким образом, введение нового вида квот обозначило новые интересы и ориентиры развития рыбохозяйственного комплекса ДФО. В целом потенциальный эффект является положительным, однако не оптимальным, так как не гарантируется, что условия для всех участников не ухудшатся. Ущемление интересов малых пользователей, а также расширение объемов добычи дикого ресурса может привести к значительным социальным и общественным рискам. В этой связи механизм их предоставления нуждается в существенной доработке, связанной с соблюдением прав не только крупных, но и малых игроков, и минимизации негативных социальных и общественных эффектов. В частности, при корректировке распределения квот на добычу ВБР целесообразно:

- предусмотреть механизм первоочередного строительства средних судов взамен имеющих сверхнормативный срок эксплуатации;
- выделить пропорциональные объемы разрешенного вылова для малых пользователей в рамках распределения как исторических, так и инвестиционных квот;
- создать преимущественные условия для инвестиций в береговые мощности глубокой переработки ВБР, включая виды, переработка которых в настоящее время является низкорентабельной, но имеет перспективы окупаемости и повышения прибыльности;
- учесть возможность строительства портовых холодильных складов в качестве инвестиционных объектов.

ВЫВОДЫ

Информация о распределении квот на добычу ВБР в России в открытом доступе является неполной — отсутствуют данные по предоставлению прав на вылов дикого ресурса для иностранных компаний в рыбохозяйственных акваториях Российской Федерации. В представленном исследовании анализ выполнен на основе открытых данных с учетом интересов хозяйствующих субъектов — резидентов России, но не взяты во внимание участники рыбопромышленного бизнеса из других стран.

Центр концентрации интересов в сфере распределения квот на добычу ВБР в России находится в ДФО (70% ОДУ России), прежде всего — в зоне Охотское море.

За последние годы объем квот на добычу ВБР изменился незначительно, несмотря на общемировые тенденции, связанные с принятыми мерами, направленными на сокращение вылова диких ВБР. На Дальнем Востоке и в стране в целом сохраняется ориентация на лов дикого ресурса. Незначительность объема квот в целях развития аквакультуры обусловлена слабой развитостью данной сферы деятельности.

Несмотря на введение новых видов квот, трансформация общей системы их распределения не произошла. Доля новых видов квот, связанных с реализацией инвестиционных проектов, незначительна (менее 5%), основной объем (более 95%) распределяется по-прежнему по историческому принципу.

Принцип квотирования в ДВ бассейне отражает в разной степени интересы участников — государства, населения, экологических организаций, рыбодобытчиков, предприятий смежных отраслей (переработка, логистика, торговля, судостроение и др.).

Интересы социально значимой группы (населения) учитываются в наименьшей степени в действующей системе распределения квот. За последние годы их объем снизился на фоне увеличения инвестиционных квот, выгодных для крупных рыбодобывающих предприятий и холдингов — игроков, способных инвестировать значительные средства в строительство судов и заводов.

Малые участники рынка, включая общины коренных малочисленных народов, не могут составить конкуренцию крупным инвесторам, соответственно, не имеют возможности получения нового вида квот. В связи с тем, что инвестиционные квоты формируются за счет объема исторических, малые игроки отрасли лишаются не только потенциальных инвестиционных, но также части исторических квот.

Отсутствие механизма закрепления в структуре инвестиционных квот доли для малых хозяйствующих субъектов может привести к дальнейшему ущемлению их интересов и ухудшению социально-экономической ситуации в небольших прибрежных населенных пунктах и местах компактного проживания КМН.

Развитие рыбопромыслового флота в обмен на квоты осуществляется в настоящее время за счет строительства преимущественно больших и крупных судов, при этом обновление средних судов происходит в меньшей степени. Это означает, что мощности по добыче дикого ресурса увеличиваются при незначительном уровне обновления флота.

Дефицит портовых холодильных мощностей может стать существенным ограничением развития отрасли, в том числе в сфере переориентации деятельности с внешних рынков на внутренние. В настоящее время правилами предоставления квот в обмен на инвестиции создание холодильных мощностей не рассматривается в качестве инвестиционного объекта. Распределение квот в обмен на создание портовых холодильных мощностей позволило бы снять существующее ограничение развития отрасли.

В условиях нестабильности внешнего спроса на продукцию рыбохозяйственного комплекса сформировалась заинтересованность хозяйствующих субъектов в переориентации деятельности с внешнего рынка на внутренний, а также с экспорта необработанного сырья на поставки готовой продукции, в том числе на внутренние рынки. В этом процессе инвестиционные квоты стали дополнительным стимулом для рыбопромышленников и предприятий смежных отраслей.

Нововведения в системе квотирования проходят стадию апробации. Для ущемления интересов малых пользователей требуется корректировка механизма предоставления квот. То есть необходимо выделить для них пропорциональные объемы разрешенного вылова в рамках распределения как исторических, так и инвестиционных квот.

Таким образом, в ходе исследования выявлено следующее:

- интересы в сфере распределения квот на добычу ВБР имеют разную направленность в зависимости от их вида;
- основным центром концентрации интересов рыбодобытчиков России в сфере распределения квот является ДВ бассейн;
- более 50% квот для рыболовства в промышленных целях в ДВ бассейне распределены в зоне Охотское море;
- современный приоритет изменения системы квотирования в России связан с развитием судостроения и рыбопереработки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глушко О.А. Правовое регулирование рыболовства в зарубежных странах. *Аграрное и земельное право*. 2021;(6):92–96. DOI: 10.47643/1815–1329_2021_6_92
2. Ding Q., Shan X., Jin X., Gorfine H. A multidimensional analysis of marine capture fisheries in China's coastal provinces. *Fisheries Science*. 2021;87(3):297–309. DOI: 10.1007/s12562–021–01514–9
3. Su S., Tang Y., Chang B., Zhu W., Chen Y. Evolution of marine fisheries management in China from 1949 to 2019: How did China get here and where does China go next? *Fish and Fisheries*. 2020;21(2):435–452. DOI: 10.1111/faf.12439
4. Vallerani M., Martí C., Ojamaa P. Research for PECH Committee — Fisheries in Japan. Brussels: European Parliament; 2017. 80 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/601995/IPOL_STU\(2017\)601995_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/601995/IPOL_STU(2017)601995_EN.pdf)
5. Aranda M., Ulrich C., Le Gallic B. et al. Research for PECH Committee — EU fisheries policy — latest developments and future challenges. Brussels. European Parliament; 2019. 124 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/629202/IPOL_STU\(2019\)629202_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/629202/IPOL_STU(2019)629202_EN.pdf)
6. Ekerhovd N.-A., Gordon D.V. Profitability, capacity and productivity trends in an evolving rights based fishery: The Norwegian purse seine fishery. *Environmental and Resource Economics*. 2020;77(3):565–591. DOI: 10.1007/s10640–020–00508–y
7. Marshall K.N., Levin P.S., Essington E.T. et al. Ecosystem-based fisheries management for social-ecological systems: Renewing the focus in the United States with next generation fishery ecosystem plans. *Conservation Letters*. 2017;11(1):1–7. DOI: 10.1111/conl.12367
8. Acheson J., Apollonio S., Wilson J. Individual transferable quotas and conservation: A critical assessment. *Ecology and Society*. 2015;20(4). DOI: 10.5751/ES-07912–200407
9. Фомин С.Ю. Мировой опыт регулирования добывающих мощностей. *Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета*. 2006;9(4):681–685. URL: http://vestnik.mstu.edu.ru/v09_4_n24/articles/31_fomin.pdf
10. Hale L.Z., Rude J., eds. Learning from New Zealand's 30 years of experience managing fisheries under a quota management system. Arlington, VA: The Nature Conservancy; 2017. 133 p. URL: <https://www.nature.org/media/asia-pacific/new-zealand-fisheries-quota-management.pdf>
11. Mace P.M., Sullivan K.J., Cryer M. The evolution of New Zealand's fisheries science and management systems under ITQs. *ICES Journal of Marine Science*. 2014;71(2):204–215. DOI: 10.1093/icesjms/fst159
12. Richter A., Eikeset A.M., van Soest D., Diekert F.K., Stenseth N.C. Optimal management under institutional constraints: Determining a total allowable catch for different fleet segments in the Northeast Arctic cod fishery. *Environmental and Resource Economics*. 2018;69(4):811–835. DOI: 10.1007/s10640–016–0106–3
13. Марковцев В.Г. Состояние рыбного хозяйства стран АТР и перспективы международного рыбохозяйственного научно-технического сотрудничества. *Известия ТИНРО*. 2006;144:365–398.
14. Rousseau Y., Watson R.A., Blanchard J.L., Fulton E.A. Evolution of global marine fishing fleets and the response of fished resources. *PNAS*. 2019;116(25):12238–12243. DOI: 10.1073/pnas.1820344116
15. Sakai Y., Yagi N., Sumaila U.R. Fishery subsidies: The interaction between science and policy. *Fisheries Science*. 2019;85(3):439–447. DOI: 10.1007/s12562–019–01306–2
16. Sala E., Mayorga J., Costello C. et al. The economics of fishing the high seas. *Science Advances*. 2018;4(6):2504. DOI: 10.1126/sciadv.aat2504
17. Кручинина В.М., Рыжкова С.М. Анализ потенциала инвестиционной привлекательности рыбохозяйственного комплекса России. *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*. 2020;82(1):322–332. DOI: 10.20914/2310–1202–2020–1–322–332
18. Левин Ю.А., Волков А.В., Еремеева В.Д. Инвестиционное и институциональное обеспечение развития природно-ресурсного сектора экономики Дальнего Востока. *Инновации и инвестиции*. 2020;(7):207–211.
19. Аношина Ю.Ф., Наумкина Т.В. Государственное регулирование рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации в современных условиях. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020;(2):102–107. DOI: 10.22394/2079–1690–2020–1–2–102–107
20. Вopilовский С.С. Реновация рыбопромыслового флота России. *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2020;(3):53–70. DOI: 10.37691/2311–5351–2020–0–3–53–70

21. Лисиенко С.В., Иванко Н.С. Моделирование процессов ведения рыбодобывающей деятельности в многовидовой промысловой системе «промысловая зона рыбохозяйственного бассейна» при статической постановке оптимизационной задачи (на примере Северо-Курильской зоны Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна). *Морские интеллектуальные технологии*. 2020;(3-1):253–259. DOI: 10.37220/MIT.2020.49.3.034
22. Сиваков Д.О. Правовой институт инвестиционных квот в области рыболовства. *Журнал российского права*. 2019;(10):136–144. DOI: 10.12737/jrl.2019.10.11
23. Гонтарь Н.В. Современные проблемы управления рыбохозяйственным комплексом (российский и зарубежный опыт). *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2019;(4):17–24. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-17-24
24. Алексеева О.Э., Бабчук Е.В., Крулев А.А. Анализ выполнения государственной инвестиционной программы и перспективы строительства судов рыбопромыслового флота на отечественных судостроительных предприятиях. *Труды Крыловского государственного научного центра*. 2020;(1):219–230. DOI: 10.24937/2542-2324-2020-1-391-219-230
25. Левская И.В. Эффективные механизмы обновления рыбопромыслового флота Камчатского края. *Вестник Камчатского государственного технического университета*. 2017;(40):94–99. DOI: 10.17217/2079-0333-2017-40-94-99
26. Клиппенштейн Е.В., Морозова Ю.С., Шуликов А.О. Программа развития рыбопромыслового флота: ожидания и реалии. *Пространственная экономика*. 2021;17(3):179–193. DOI: 10.14530/se.2021.3.179-193
27. Лисиенко С.В., Иванко Н.С. Анализ освоения сырьевой базы Северо-Курильской зоны Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна в 2010–2019 гг. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Рыбное хозяйство*. 2021;(2):7–19. DOI: 10.24143/2073-5529-2021-2-7-19
28. Грибова К.А. Динамика освоения некоторых промысловых объектов в Восточно-Камчатской зоне, на которые устанавливался ОДУ в период 2010–2019 гг. *Научные труды Дальрыбвтуза*. 2021;58(4):5–15.

REFERENCES

1. Glushko O.A. Legal regulation of fishing in foreign countries. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2021;(6):92–96. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1329_2021_6_92
2. Ding Q., Shan X., Jin X., Gorfine H. A multidimensional analysis of marine capture fisheries in China's coastal provinces. *Fisheries Science*. 2021;87(3):297–309. DOI: 10.1007/s12562-021-01514-9
3. Su S., Tang Y., Chang B., Zhu W., Chen Y. Evolution of marine fisheries management in China from 1949 to 2019: How did China get here and where does China go next? *Fish and Fisheries*. 2020;21(2):435–452. DOI: 10.1111/faf.12439
4. Vallerani M., Martí C., Ojamaa P. Research for PECH Committee — Fisheries in Japan. Brussels. European Parliament; 2017. 80 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/601995/IPOL_STU\(2017\)601995_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/601995/IPOL_STU(2017)601995_EN.pdf)
5. Aranda M., Ulrich C., Le Gallic B. et al. Research for PECH Committee — EU fisheries policy — latest developments and future challenges. Brussels. European Parliament; 2019. 124 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/629202/IPOL_STU\(2019\)629202_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/629202/IPOL_STU(2019)629202_EN.pdf)
6. Ekerhovd N.-A., Gordon D.V. Profitability, capacity and productivity trends in an evolving rights based fishery: The Norwegian purse seine fishery. *Environmental and Resource Economics*. 2020;77(3):565–591. DOI: 10.1007/s10640-020-00508-y
7. Marshall K.N., Levin P.S., Essington E.T. et al. Ecosystem-based fisheries management for social-ecological systems: Renewing the focus in the United States with next generation fishery ecosystem plans. *Conservation Letters*. 2017;11(1):1–7. DOI: 10.1111/conl.12367
8. Acheson J., Apollonio S., Wilson J. Individual transferable quotas and conservation: A critical assessment. *Ecology and Society*. 2015;20(4). DOI: 10.5751/ES-07912-200407
9. Fomin S. Yu. World experience in regulation of production capacities. *Vestnik MGTU. Trudy Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of MSTU. Scientific Journal of Murmansk State Technical University*. 2006;9(4):681–685. URL: http://vestnik.mstu.edu.ru/v09_4_n24/articles/31_fomin.pdf (In Russ.).

10. Hale L. Z., Rude J., eds. Learning from New Zealand's 30 years of experience managing fisheries under a quota management system. Arlington, VA: The Nature Conservancy; 2017. 133 p. URL: <https://www.nature.org/media/asia-pacific/new-zealand-fisheries-quota-management.pdf>
11. Mace P.M, Sullivan K. J., Cryer M. The evolution of New Zealand's fisheries science and management systems under ITQs. *ICES Journal of Marine Science*. 2014;71(2):204–215. DOI: 10.1093/icesjms/fst159
12. Richter A., Eikeset A. M., van Soest D., Diekert F. K., Stenseth N. C. Optimal management under institutional constraints: Determining a total allowable catch for different fleet segments in the Northeast Arctic cod fishery. *Environmental and Resource Economics*. 2018;69(4):811–835. DOI: 10.1007/s10640-016-0106-3
13. Markovtsev V. G. State of fish industry in countries of Asia–Pacific Region and perspectives of international fishery research cooperation. *Izvestiya TINRO = Izvestiya TINRO. Transactions of the Pacific Research Institute of Fisheries and Oceanography*. 2006;144(3):365–398. (In Russ.).
14. Rousseau Y., Watson R. A., Blanchard J. L., Fulton E. A. Evolution of global marine fishing fleets and the response of fished resources. *PNAS*. 2019;116(25):12238–12243. DOI: 10.1073/pnas.1820344116
15. Sakai Y., Yagi N., Sumaila U. R. Fishery subsidies: The interaction between science and policy. *Fisheries Science*. 2019;85(3):439–447. DOI: 10.1007/s12562-019-01306-2
16. Sala E., Mayorga J., Costello C. et al. The economics of fishing the high seas. *Science Advances*. 2018;4(6):2504. DOI: 10.1126/sciadv.aat2504
17. Kruchinina V. M., Ryzhkova S. M. Analysis of the potential investment attractiveness of the Russian fisheries sector. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2020;82(1):322–332. (In Russ.). DOI: 10.20914/2310-1202-2020-1-322-332
18. Levin Yu. A., Volkov A. V., Ereemeeva V. D. Investment and institutional support for the natural resource sector development of the Far East economy. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2020;(7):207–211. (In Russ.).
19. Anoshina Yu. F., Naumkina T. V. State regulation of the fisheries complex of the Russian Federation in modern conditions. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(2):102–107. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-102-107
20. Vopilovsky S. S. Renovation of the Russian fishing fleet. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*. 2020;(3):53–70. (In Russ.). DOI: 10.37691/2311-5351-2020-0-3-53-70
21. Lisienko S. V., Ivanko N. S. Modeling of fishing activities in a multi-species fishing system “fishing zone of a fishing basin” with a static statement of the optimization problem (on the example of the North Kuril zone of the far Eastern fishing basin). *Morskie intellektual'nye tekhnologii = Marine Intellectual Technologies*. 2020;(3-1):253–259. (In Russ.). DOI: 10.37220/MIT.2020.49.3.034
22. Sivakov D. O. Legal institute of investment quotas in the field of fishery. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(10):136–144. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2019.10.11
23. Gontar N. V. Modern problems of management of the fishing industry (Russian and foreign experience). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(4):17–24. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-17-24
24. Alekseeva O. E., Babchuk E. V., Krulev A. A. Analysis of implementation of the state investment program and prospects for the construction of fishing fleet vessels in Russian shipbuilding enterprises. *Trudy Krylovskogo gosudarstvennogo nauchnogo tsentra = Transactions of the Krylov State Research Centre*. 2020;(1):219–230. (In Russ.). DOI: 10.24937/2542-2324-2020-1-391-219-230
25. Levskaya I. V. Effective mechanisms for renewal of the fishing fleet in Kamchatka krai. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Kamchatka State Technical University*. 2017;(40):94–99. (In Russ.). DOI: 10.17217/2079-0333-2017-40-94-99
26. Klippenshtein E. V., Morozova Yu. S., Shulikov A. O. Fishing fleet development program: Expectations and realities. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2021;17(3):179–193. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2021.3.179-193
27. Lisienko S. V., Ivanko N. S. Analysis of developing raw materials in North Kuril zone of Far Eastern fisheries in 2010–2019. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Rybnoe*

khozyaistvo = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Fishing Industry. 2021;(2):7–19. (In Russ.). DOI: 10.24143/2073–5529–2021–2–7–19

28. Gribova K.A. The dynamics of the development of some commercial objects in the East Kamchatka zone, on which the TAC was installed in the period 2010–2019. *Nauchnye trudy Dal'rybvtuza = Scientific Journal of the Far East State Technical Fisheries University. 2021;58(4):5–15. (In Russ.).*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Николаевич Асанов — кандидат экономических наук, доцент, ведущий эксперт-аналитик, Восточный центр государственного планирования, Москва, Россия
Aleksandr N. Asanov — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Lead expert-analyst, Eastern State Planning Center, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-6937-8904>
Автор для корреспонденции / Corresponding author
a.asanov@vostokgosplan.ru

Елена Львовна Ли — кандидат экономических наук, руководитель направления «Качество жизни и человеческий потенциал», Восточный центр государственного планирования, Москва, Россия
Elena L. Li — Cand. Sci. (Econ.), Head of the “Quality of life and human potential” Project, Eastern State Planning Center, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-2905-493X>
e.lee@vostokgosplan.ru

Елена Юрьевна Агешина — кандидат экономических наук, директор по научно-методическим проектам, Восточный центр государственного планирования, Москва, Россия
Elena Yu. Ageshina — Cand. Sci. (Econ.), Director of scientific and methodological projects, Eastern State Planning Center, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-5094-6609>
e.ageshina@vostokgosplan.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Н. Асанов — подготовка основного материала (статистические данные и текст).
Е.Л. Ли — разработка общей концепции исследования и редактирование статьи.
Е.Ю. Агешина — критическая работа с материалами и формирование замечаний.

The declared contribution of the authors:

A.N. Asanov — preparation of the major material (statistical data and text).
E.L. Lee — development of the general concept and paper editing.
E.Yu. Ageshina — critical work with materials and the formation of comments.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.08.2022; после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 30.09.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 08.08.2022; revised on 25.08.2022 and accepted for publication on 30.09.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.